

Проблемы и перспективы построения экономики знаний России и Белоруссии в преломлении опыта развитых стран¹

Problems and Prospects of Building a Knowledge-Based Economy of Russia and Belarus in the Breaking of the Experience of Developed Countries

DOI 10.12737/24535

Получено: 30 декабря 2016 г. / Одобрено: 13 января 2017 г. / Опубликовано: 17 февраля 2017 г.

Баранов А.М.

Канд. экон. наук, доцент,
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
Республика Беларусь, 246019, г. Гомель,
ул. Советская, 104
e-mail: econfac@inbox.ru

Baranov A.M.

Candidate of Economic Sciences,
F. Skorina Gomel State University
Sovetskaya St., 104, Gomel, 246019,
Republic of Belarus
e-mail: econfac@inbox.ru

Аннотация

Исследуются основные тенденции становления экономики знаний на базе развития системы образования. Исследуются основные социальные тенденции становления экономики знаний (развитие социальной сферы, увеличение доли государственных расходов в ВВП, антропогенная направленность государственной политики, расходы на сферу образования, наукоемкость ВВП). Рассмотрены и сопоставлены антропогенные проблемы и перспективы построения экономики знаний Белоруссии и России в преломлении опыта развитых стран.

Ключевые слова: образование, антропогенная политика, социализация, человеческий потенциал, наукоемкость, экономика знаний.

Abstract

The main tendencies of formation of economy of knowledge based on educational development are researched. The main social tendencies of formation of knowledge economy (development of the social sphere, increase in a share of the public expenditures in GDP, an anthropogenous orientation of state policy, expenses on the sphere of education, science intensity of GDP) are researched. Anthropogenous problems and the prospects of creation of economy of knowledge of Belarus and Russia in refraction of experience of developed countries considered and compared.

Keywords: education, anthropogenous policy, socialization, human potential, science intensity, economy of knowledge.

По прогнозам Института мировой экономики и международных отношений РАН, уже в 2020 г. будет сформирована новая глобальная экономика знаний в общемировом масштабе. Это и телекоммуникации, охватывающие весь мир, и круглосуточная работа мирового валютного и фондового рынков, и обновленная транспортная инфраструктура. Капитал глобальной финансовой системы в 2020 г. будет реализовываться, инвестироваться и накапливаться в мировом масштабе и в реальном времени. Прямые накопленные зарубежные инвестиции в 2020 г. превысят величину в 20 трлн долл. США и будут в существенной степени определять динамику развития отдельных стран и регионов. Число ТНК возрастет до 200 тыс. Многоярусная система международного разделения труда активизирует международное межфирменное производственное кооперирование и рост экономической эффективности глобальной экономики. В 2010 г. Евросоюз принял стратегию развития Европа-2020, согласно которой выдвигаются амбициозные планы превращения Европейского союза к 2020 г. в самую развитую и конкурентоспособную экономику в мире, при этом достижение поставленной цели предполагается путем построения «экономики

знаний» (*knowledge economy*). Переход к «экономике знаний» обеспечивается проведением политики, отвечающей требованиям информационного общества (и соответствующей политики в области образования), максимизацией занятости населения (планируется создание 20 млн новых рабочих мест, прежде всего в сфере образования) и *социальной сплоченностью*.

Одной из наиболее важных тенденций является процесс социализации экономики. Процесс социализации получил широкое распространение на трех уровнях — фирмы, страны и в масштабе мирового сообщества.

Безусловно, неправомерно делать выводы о прямой зависимости расходов на социальную сферу и степени экономического и информационного развития страны, но нельзя не признать, что социальная антропогенная политика является долгосрочным детерминантом развития любого государства. Примером может служить Евросоюз, который демонстрирует лидирующую роль в мировой экономике в целом и в информационной экономике в частности. При этом доля расходов на социальные цели бюджета Евросоюза остается одной из самых высоких в мире (см. табл. 1).

¹ Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ Г15М-035 «Информационные кластеры как основа формирования инновационной среды внешне-экономических связей Гомельского региона».

Таблица 1

**Динамика расходов на социальные цели
стран Евросоюза**

Год	Бюджет ЕС, млрд евро	Социальные расходы национальных правительств, млрд евро	Доля бюджета стран ЕС в социальных расходах
1970	5,58	185,0	3,02
1982	22,42	731,0	3,07
1992	48,35	1319,9	3,66
2006	105,23	2800,0	3,76

Доля социальных расходов развитых стран увеличивается соответственно росту ВВП, при этом наиболее высокие показатели характерны для стран ЕС, далее следуют США, Япония. Между тем высокие показатели социальных расходов не приводят к замедлению темпов экономического развития ЕС и оставляют за странами ЕС звания: лидера компьютеризации — Нидерланды; лидера распространения Интернета — Нидерланды, Швеция; лидера использования информационных технологий (по индексу сетевой готовности и индексу информационного общества) — Дания, Швеция (см. табл. 2) [1].

Таблица 2

Государственные социальные расходы (в % к ВВП)

Страна	1950 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2015 г.
США	7,0	18,2	19,0	20,8	24,6
Япония	6,8	16,2	18,4	18,8	21,8
Германия	18,4	25,6	26,5	27,1	27,7
Франция	19,6	32,6	33,5	34,3	34,8
Великобритания	17,9	22,5	25,6	26,8	29,8
Швеция	14,6	40,0	48,4	54,1	51,9
Россия	25,9	17,2	18,8	20,3	22,4

Доля социальных расходов развитых стран увеличивается параллельно росту ВВП. При этом наиболее высокие показатели характерны для экономики ЕС, далее следуют США; Япония по данному показателю отстает от стран-лидеров.

В советской России доля государственных расходов в ВВП значительно превышала аналогичный показатель большинства западных стран, в период рыночных преобразований она значительно снизилась. Тем не менее с 1980 по 2000 г. финансирование социальной сферы превышало расходы Японии и незначительно уступало расходам на социальные нужды США. По отдельным статьям расходы на здравоохранение России остались практически на прежнем уровне: с 1980 г. приблизительно 3% ВВП, при прогнозируемом росте к 2016 г. — до 4%. Расходы на здравоохранение в Японии с 1980 по 2000 г. увеличились на 33%, в Италии — на 27%, в США — на 26%, во Франции — на 15%.

Социальные расходы Беларуси в 2016 г. должны были составить 29% ВВП, что является среднеевропейским показателем [2].

К 2015 г. расходы Беларуси на образование составили 18,4% всех расходов консолидированного бюджета. Доля расходов на образование в ВВП Беларуси в 2015 г. достигла 5% (в России — 4,3%, в Казахстане — 3,6%). По данным ЮНЕСКО, по количеству людей, получающих высшее и послевузовское образование в расчете на тысячу населения, Беларусь опережает такие государства, как Австралия, Литва, Россия, Польша, Украина, Казахстан [6].

Таким образом, по социальным программам Республика Беларусь опережает Россию и вплотную приближается к развитым странам, что служит важной предпосылкой построения современной антропогенно-ориентированной информационной экономики.

Изложенная тенденция социализации дает нам возможность предположить, что в настоящее время происходит увеличение роли государства в экономике, что можно выделить в качестве отдельной тенденции. Этот процесс подтвержден данными табл. 3 [3].

Таблица 3

Доля государственных расходов в ВВП

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2015 г.
США	33,5	35,0	35,7	35,2	36,5
Япония	25,0	26,9	27,2	36,9	29,7
Германия	42,4	42,9	42,9	48,2	42,8
Франция	45,3	47,2	47,5	53,8	45,5
Великобритания	40,6	42,9	43,1	42,6	43,4
Швеция	56,0	64,5	67,6	68,0	63,5
Россия	47,4	52,2	42,4	29,0	43,3

Данные табл. 3 отражают превышение доли государственных расходов в ВВП стран ЕС над аналогичными расходами в США и Японии, что подтверждает выдвинутое нами предположение о высоком приоритете и значимости системы образования.

С 1980 по 2000 г. доля государственных расходов в ВВП демонстрировала стабильные темпы роста во всех развитых странах (кроме России). К 2005 г. рост данного показателя замедлился в США и Великобритании (снижение на десятые доли процента), была активизирована политика государственного регулирования в Японии (рост государственных расходов в 2005 г. на 37% по сравнению с 2000 г.).

В советской России и Белоруссии государственные расходы до 1992 г. находились в пределах 55% ВВП, что объясняется плановой системой экономики. С 2005 г. данный показатель России — один из самых низких в Европе — 29% ВВП. Тенденция

снижения участия государства в экономике, согласно прогнозу, будет преодолена к 2016 г., когда Россия обгонит по доле государственных расходов (43,3%) США, Японию и Германию.

В Беларуси, по данным Всемирного банка, доля государственных расходов в ВВП составляет 60%, что создает благоприятные условия для развития современной экономики, в то же время требует высокого налогообложения, бремя которого, как считают международные эксперты, лежит на белорусских налогоплательщиках.

Противникам активного вмешательства государства в экономику следует обратить внимание на высокую долю госрегулирования экономики СССР (в прошлом одного из лидеров экономического развития) и Швеции, занимающей в настоящее время главенствующие позиции в мировой экономике.

По мере того как экономика знаний становится объектом государственного регулирования развитых стран, важной тенденцией становится *формирование количественного и качественного (творческая и интеллектуальная активность) потенциала трудовых ресурсов*. Однако реализация человеческого потенциала возможна только при условии выработки государственной стратегии развития экономики знаний. Именно поэтому мы исследуем социальные тенденции, способствующие формированию эффективной системы занятости населения (относительно повышения качества образования), созданию динамической системы ресурсосбережения как результата доминирования нематериальных активов, повышению социальной ответственности населения и усилению инновационной активности. Указанные тенденции в полной мере отвечают потребностям современной мировой экономики.

По нашему мнению, антропогенная политика способствовала быстрому развитию экономики Китая, Японии, Индии, поскольку трудовые отношения, базирующиеся на развитой системе образования (в том числе и на основе информационных технологий (ИТ)), привели в этих странах к трансформации рынка труда в рынок антропогенного капитала (появилось большое число специалистов в сфере ИТ, а также высокообразованной, говорящей по-английски, дешевой рабочей силы).

Так, в ЕС предполагалось увеличение расходов на высшее образование до 2% ВВП в 2015 г. [3]. В Японии был осуществлен переход на всеобщее высшее образование, и в мае 2007 г. был принят закон «О национальном референдуме», регламентирующий в том числе и информационные отношения между трудовыми ресурсами и нанимателями (отно-

шения в сфере распространения и защиты информации, информационные права на доступ к знаниям).

Высокая значимость антропогенного капитала может быть подтверждена следующими данными (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура национального богатства

Страна	Структура по видам капитала, %		
	Антропогенный капитал	Природные ресурсы	Материальный капитал
ЕС	78	4	18
США	77	4	19
Беларусь	65	9	25
Россия	7	85	8
Мир в целом	64	20	16

Данные табл. 4 отражают доминирующее значение доли антропогенного капитала, следовательно, превращение его в решающий фактор общественного производства в развитых странах.

При этом в России сохраняются низкие показатели человеческого капитала и преобладающая роль природного богатства в отличие от стран ЕС и США. По данным ЦЭМИ РАН, при национальном богатстве России в 350 трлн долл. США (без учета антропогенного капитала) более 190 трлн долл. США приходится на природные ресурсы [4].

Экономика Беларуси обладает большим потенциалом. При оценке национального богатства Республики Беларусь в 182 млрд долл. США стоимость и доля природных ресурсов страны значительно меньше, чем в России (всего 17 млрд долл. США), а человеческий капитал в структуре национального богатства Беларуси занимает 1-е место (120 млрд долл. США) и рассматривается как один из приоритетов развития страны.

Качество антропогенной политики необходимо оценивать с помощью Индекса развития человеческого потенциала (*GDP Index*), который рассчитывается по формуле

$$GDP\ Index = LE + LO + GDPpc/3, \quad (1)$$

где *LE* — средняя ожидаемая продолжительность жизни населения; *LO* — уровень образования; *GDPpc* — ВВП на душу населения.

Одним из ключевых показателей социоинформационной группы является Индекс развития человеческого потенциала (индекс человеческого развития) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала страны (см. табл. 5). Беларусь по данному индексу вошла в топ-50 стран, обойдя Россию и ряд стран СНГ.

По данным экспертов, в ЕС за последние десять лет именно инвестиции в образование и НИОКР обеспечили до 75% экономического роста [5].

Таблица 5

Индекс развития человеческого потенциала 2015 г.

Страна	Место по Индексу развития человеческого потенциала 2015 г.
Норвегия	1
Австралия	2
Швейцария	3
Дания	4
Нидерланды	5
Германия	6
Ирландия	7
США	8
Канада	9
Япония	20
Беларусь	50
Россия	51

На информационной стадии развития общества, на которой находится большинство развитых стран, детерминирующую роль играют качественные факторы экономического роста, включающие, прежде всего, человеческие и научно-образовательные элементы. Общей тенденцией во многих государствах стал рост образовательного уровня населения и изменение отношения самих людей к образованию. Например, еще в 50–60-х гг. XX в. некоторые руководители предприятий стремились скрыть, что имеют высшее образование, так как более перспективным в то время считался путь от простого рабочего до руководящей должности. Более того, в этот период в США, Великобритании, Германии для того, чтобы достичь уровня доходов среднего класса, было необходимо не высшее образование, а трудовой стаж на крупном предприятии, где действовали профсоюзы. Сейчас в развитых странах для получения высокой заработной платы необходим диплом о высшем образовании, свидетельствующий не только о практических навыках, но и о фундаментальных знаниях, полученных в высшем учебном заведении. Именно поэтому некоторые наиболее технологически развитые страны, например Япония, переходят к системе всеобщего высшего образования. Динамика изменения государственных расходов на образование стран представлена в табл. 6.

Основным показателем, характеризующим уровень инновационного развития экономики, является наукоемкость ВВП. Данный показатель служит одним из основных отчетных индикаторов реализации стратегии экономического лидерства Евросоюза «Европа-2020».

Таблица 6

Уровень расходов на образование в ВВП стран мира

Страна	Уровень расходов на образование, 2015 г., % ВВП
Дания	8,7
Норвегия	7,3
Швеция	7,3
Финляндия	6,8
Бельгия	6,4
Нидерланды	5,9
Франция	5,9
Великобритания	5,6
Южная Корея	5,0
Беларусь	5,0
Россия	4,3
Казахстан	3,1

Лидером по наукоемкости ВВП является Южная Корея. К 2016 г. только две страны ЕС (Швеция и Финляндия) превысили показатель наукоемкости в 3%, и именно они демонстрируют самые высокие темпы экономического роста в Европе (более 3% в год). В Беларуси наукоемкость ВВП — 0,6%, что не только значительно ниже наукоемкости стран — лидеров информационного развития, но и ниже, чем в России — 1,2% и Украине — 1%.

В США в 2016 г. расходы на науку превысили 2,7% ВВП. В Японии аналогичный показатель составил 3,6% ВВП (см. рис. 1).

Инвестиции в науку рассматриваются в развитых странах как основа экономического развития, позволяющая завоевать мировые рынки и получить интеллектуальную ренту от новых товаров и услуг, что приведет к геэкономическому и геополитическому превосходству. Наукоемкость ВВП Беларуси находится на низком уровне — это сдерживающий фактор развития информационной экономики. По нашему мнению, у Беларуси есть шанс догнать развитые страны по показателю наукоемкости, заняв достойное место в мировой науке и на мировом рынке инноваций. Это становится возможным благодаря утверждению в программе Основных направлений социально-экономического развития на 2016–2020 гг. увеличения наукоемкости ВВП как приоритетного направления развития.

Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г., в 2016–2020 гг. ставится цель — вывести национальную систему образования Беларуси на уровень, соответствующий мировым стандартам. При этом особое значение придается развитию высшего образования — повышению его качества и совершенствованию структуры подготовки специа-

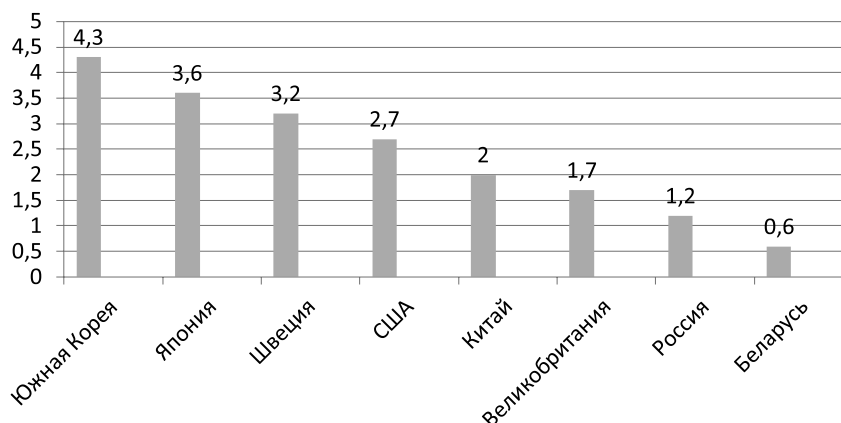

Рис. 1. Научеёмкость ВВП стран в 2016 г.

листов в целях максимального приближения к требованиям современного рынка трудовых ресурсов [6].

Подводя итог сравнения развитых стран, можно констатировать, что в ЕС больше внимания уделяют социальному развитию и государственному регулированию экономики в отличие от США и Японии, где предпочтение отдается технологическим аспектам. Антропогенная направленность информационной стратегии государственного развития должна базироваться на двух ключевых показателях: уровне расходов на систему образования и наукоёмкости ВВП. В целом на процесс формирования высокоэффективной информационной экономики оказывает воздействие система взаимосвязанных тенденций. Поэтому при оценке степени развития информационной экономики необходимо учитывать всю совокупность. Что касается России и Белоруссии, то ситуация здесь не так однозначна, как в развитых или развивающихся странах. По показателям доли антропогенного капитала в структуре национального богатства, расходов на социальную сферу и уровня развития системы образования Россия и Беларусь входят в число лидеров готовности к экономике знаний. В то же время недостаточное развитие технологической инфраструктуры и низкая наукоёмкость являются сдерживающими факторами, которые необходимо нивелировать на всех уровнях управления.

Литература

1. Будаева О.В. Информационная экономика и перспективы ее развития в России [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / О.В. Будаева. — Улан-Удэ, 2006. — 158 с.
2. Баранов А.М. Университетский комплекс как организационная форма деятельности высшего учебного заведения [Текст] / А.М. Баранов // Вестн. экон. интеграции. — 2016. — № 1. — С. 164–169.

3. Баранов А.М. Информационные кластеры как основа инновационного развития Республики Беларусь: зарубежный опыт [Текст] / А.М. Баранов // Друкеровский вестник. — 2016. — № 1. — С. 246–254.
4. Курицкий А.Б. Государственное регулирование информационной экономики в условиях глобализации [Текст]: дис. ... д-ра экон. наук / А.Б. Курицкий. — СПб., 2004. — 290 с.
5. Human Development Report 2016 [Electronic resource] // Human Development Reports United Nations Development Programme. 2016. URL: http://hdrstats.undp.org/en/countries/data_sheets/cty_s_RUS.html (date of access: 10.06.2016).
6. Баранов А.М. Информационный вектор экономического развития [Текст] / А.М. Баранов. — М.: Интеграция, 2016. — 360 с.

References

1. Budaeva O.V. *Informatsionnaya ekonomika i perspektivy ee razvitiya v Rossii*. Cand. Diss [Information economy and prospects of its development in Russia. Cand. Diss]. Ulan-Ude, 2006. 158 p.
2. Baranov A.M. *Universitetskiy kompleks kak organizatsionnaya forma deyatel'nosti vysshego uchebnogo zavedeniya* [University complex as the organizational form of the activity of the higher educational institution]. *Vestnik ekonomicheskoy Integratsii* [Bulletin of economic integration]. 2016, l. 1, pp. 164–169.
3. Baranov A.M. *Informatsionnye klasteri kak osnova innovatsionnogo razvitiya Respubliki Belarus': zarubezhnyy opyt* [Information as a basis of clusters of innovative development of the Republic of Belarus: foreign experience]. *Drukerovskiy vestnik* [Drukerovsky Gazette]. 2016, l. 1, pp. 246–254.
4. Kuritskiy A.B. *Gosudarstvennoe regulirovanie informatsionnoy ekonomiki v usloviyakh globalizatsii*. Doct. Diss [State regulation of the information economy in the context of globalization. Doct. Diss]. St. Petersburg, 2004. 290 p.
5. Human Development Report 2016 [Electronic resource] // Human Development Reports United Nations Development Programme. 2016. Available at: http://hdrstats.undp.org/en/countries/data_sheets/cty_s_RUS.html (accessed 10 June 2016).
6. Baranov A.M. *Informatsionnyy vektor ekonomicheskogo razvitiya* [Information vector of economic development]. Moscow, Integratsiya Publ., 2016. 360 p.